

АНДРЕЙ МАКАРОВ

РЕЙНКОРОНАЦИИ

18+

Макаров Андрей

Реинкорнации

«Автор»

2026

Андрей М. Л.

Реинкоронации / М. Л. Андрей — «Автор», 2026

Колесо Сансары перемалывает эпохи, но некоторые души упорно отказываются забывать свои старые привычки. Что делать, если вчера ты переходил Рубикон, а сегодня стоишь на броне танка над Москвой-рекой? Если ты был Цезарем, а стал президентом, которому снятся легионеры с ваучерами вместо копий? Если ты был Инкой, казнённым конкистадорами, а через четыреста лет решаешь судьбу испанского золота в кремлёвском кабинете? «Реинкоронации» — это не исторический роман и не учебник психиатрии. Это книга о том, что корона никогда не падает с головы окончательно. Она просто ждёт следующего воплощения. И да: если вам кажется, что вы слышите внутренний голос, советующий поджечь Капитолий, — не спешите к врачу. Возможно, вы просто вспомнили, кем были раньше.

© Андрей М. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Макаров Андрей Реинкорнации

Часть I. Глава 1

Рубикон-93, или Танковый Коан Бориса Николаевича

Борис Николаевич проснулся оттого, что в правое ухо кто-то настойчиво заливал ледяную воду. Он открыл глаза. Потолок президентской резиденции в Барвихе, оклеенный тисненными обоями под старую партийную парчу, медленно вращался по часовой стрелке, превращаясь в воронку. На краю воронки сидел Лефорт в мундире из джинсовой ткани «Мальвина» и подмигивал. — Опять... — хрипло выдохнул Борис Николаевич, нащупывая на тумбочке хрустальный лафитник. Хрусталь был теплым, как дружеское плечо. Внутри колыхалась прозрачная, как слеза комсомолки, сорокаградусная пустота. Ему снова снился тот сон.

Во сне он стоял на берегу узкой, грязной речушки где-то под Нижним Тагилом. Речушка называлась Рубикон, хотя на ржавой жестяной табличке, прибитой к березовому пню, было четко выведено: «р. Пышма. Купаться запрещено. Очистные сооружения». На Борисе Николаевиче была тога, сшитая из красного сукна кремлевских дорожек, а на ногах — тяжелые импортные кроссовки «Саламандер».

Вокруг толпились легионеры десятого созывного легиона. У всех были одинаковые, серые лица свердловских металлургов, но вместо пилумов они держали в руках арматуру и ваучеры Анатолия Чубайса.

«Алеа якта эст, понимаешь», — сказал он тогда во сне самому себе. И шагнул в мутную воду. Вода оказалась теплой, с весёлыми радужными пятнами бензина А-76. Как только подошва «Саламандера» коснулась противоположного берега, Пышма за его спиной превратилась в огромный, выложенный кафелем бассейн санатория «Барвиха», в котором плавал трибун Хасбулатов, завернутый в ковер ручной работы.

Борис Николаевич выпил лафитник. Пустота внутри груди послушно расширилась, вытесняя остатки утренней хмари. В дверь деликатно постучали и в щель просунулась идеально круглая, будто выточенная на станке голова Коржакова. — Борис Николаевич, пора. Центурионы Таманской дивизии прогрели моторы. Четырнадцатый легион Павла Грачева ждет приказа на Смоленской площади. — Что Сенат? — тяжело спросил Борис Николаевич, пытаясь нащупать пальцами пуговицы на сорочке. Пуговицы уходили под кожу, как прыщи. — Сенат забаррикадировался, — грустно доложил Коржаков, протягивая шефу стакан горячего чая в серебряном подстаканнике с гравировкой «ЦК КПСС». — Александр Руцкой объявил себя dictator и раздает защитникам Белого дома сухпайки и освященные сигареты «Парламент». Говорят, они там совершают ауспиции по внутренностям жареных кур из буфета. Судят по печени и предсказывают нам скорый импичмент.

Борис Николаевич встал. Рост его в этот момент казался бесконечным — голова уходила куда-то в чердачные перекрытия, где между стропил гнездились эгрегоры мировой демократии. Карманы пиджака были набиты тяжелыми, звенящими денариями, на которых вместо профиля Цезаря был выбит профиль молодого Гайдара в очках и с пороссячим пятячком. — Бе... бестолковая пассионарность, говорите... — пробормотал Борис Николаевич в пространство, обращаясь к невидимому критику из будущего. — Салат в мою честь не назовут? Ну и хрен с ним, с салатом. Мы сейчас такой винегрет сделаем... С майонезом «Кальве». — Салат назван по имени повара Цезаря Кардини — поправил Ельцина Коржаков — но вы и так войдете в историю, на танке въедете... Через час он уже стоял на броне зеленого Т-80, застывшего на Новоарбатском мосту. Танк пах соляжкой и вечностью. Борис Николаевич посмотрел на Белый дом. Здание Верховного Совета казалось огромным тортом, который кто-то забыл на поминках по Советскому Союзу. Из окон торчали дула автоматов и бледные, испитые лица народных депутатов, похожих на призраков, сбежавших с заседания трибунных комиций.

Внутри Бориса Николаевича сидел огромный, древний галл, которого когда-то, в прошлой метафизической жизни, он лично заковал в кандалы и провел по улицам Рима. Галл требовал реванша и водки. — Стреляй, панимаешь... — тихо сказал Борис Николаевич наводчику. — Куда, товарищ Верховный Главнокомандующий? По трибуне или по буфету? — По геополитическому пространству. Прямой наводкой в суверенную ментальность. Чтобы до самых окраин долетело.

Танк ухнул. Звук выстрела был не металлическим, а скорее мясным, утробным — словно огромная совхозная лопата врезалась в чан со свежим фаршем. Белый дом на мгновение стал абсолютно прозрачным. Борис Николаевич увидел, как внутри здания, в зале заседаний, депутаты в серых костюмах мгновенно превратились в сушеных вобл, завернутых в газету «Советская Россия» за июнь 1989 года. Они сыпались со своих кресел на паркет, издавая сухой, шуршащий звук. Второй снаряд пробил крышу. Оттуда, из пролома, в серое московское небо

вырвалось гигантское, жирное облако черного дыма. Внутри дыма отчетливо проступили контуры огромного, сочного чебурека, который медленно плыл в сторону Рублевского шоссе, тая на ходу.

Борис Николаевич закрыл глаза. Ему снова послышался плеск реки Пышмы. «И за что меня Брут тогда зарезал? — подумал он с легкой, похмельной грустью, глядя на горящий парламент. — За то, что я корону хотел? Глупые они были. Корона — это же просто кастрюля. Главное — это чтобы танк под тобой не качался, когда ты на нем в вечность въезжаешь».

Он повернулся к Коржакову. — Саша. — Я, Борис Николаевич! — Налей еще. И лимончик порежь. Великий понтифик Ельцин идет отдыхать. Календарь мы уже передвинули. Теперь вместо октября у нас будет вечный Август.И, тяжело ступая «Саламандерами» по теплой броне, первый президент Российской Федерации спустился внутрь стальной башни, где его уже ждали верные легионеры, ящик «Смирновской» и абсолютная, незамутненная ни единой мыслью нирвана

Глава 2

Метафизика Застоя, или Как Леонид Ильич Хеопса принимал

В небольшом, обшитом морёным дубом кинозале на спецдаче в Завидово мерно стрекотал проектор «Украина». Леонид Ильич сидел в глубоком кожаном кресле, откинувшись так, что живот выпирал из-под домашнего кителя твёрдой, налитой волной — основательной, как пятилетний план по надоям. Пальцы левой руки машинально поглаживали подлокотник, на котором оставалось влажное пятно. Генсек вспотел, хотя в зале было не жарко: с некоторых пор его бросало в испарину от малейшего дуновения, от капли коньяка, от волнения перед хорошим фильмом. Во рту чавкала и таяла гаванская сигара — подарок Фиделя, мокрая от слюны, с размочаленным концом. Брежнев лениво втягивал дым, и тот выходил через нос сизыми, плотными клубами, оседая на усах капельками конденсата — будто утренняя роса на реликтовых растениях.

На белом натяжном экране разворачивался знойный, слепящий ад пустыни Кызылкум. Там, в польско-советском фильме «Фараон», молодой Рамсес XIII яростно замахивался мечом на жрецов. Но верховный жрец Херхор смотрел на бунтаря с такой вековой, каменной скукой, с какой товарищ Сулов обычно смотрел на молодых поэтов-диссидентов — как на таракана, заползшего на свежеотпечатанный проект резолюции. Рядом, на заднем плане, две тысячи советских солдат срочной службы из Таманской гвардейской мотострелковой дивизии, обритые налысо и густо вымазанные жидким театральным гримом под ливийцев, уныло тащили по узбекским барханам настоящую боевую колесницу. Грим тек по лицам розовыми ручьями, смешиваясь с потом, оставляя на шеях солёные разводы, похожие на следы улиток.

В сторонке под охраной хмурых офицеров КГБ зябко куталась в полупрозрачную марлю жрица Кама — молодая Барбара Брыльска. Майор Семипятный из оцепления судорожно сглатывал слюну, мысленно нарушая моральный кодекс строителя коммунизма.

Леонид Ильич так погрузился в происходящее, что почувствовал даже запахи, а пахло от солдат жжёным утюгом, портянками и машинным маслом. Колесница скрипела несмазанной

осью, и на каждом бархане оставалась глубокая борозда, в которую тут же сыпался песок — вечная борьба формы и содержания.

— Ишь ты, брови-то себе какие нарисовал, артист... — прошамкал Брежнев, рассматривая польского актёра Зельника. Он отложил сигару в пепельницу, где та продолжала тлеть, испуская горький, сладковатый дымок. Пальцы генсека были жёлтыми от никотина, ногти — синеватыми, с запущенными кутикулами, которые так и не смогли отшлифовать кремлёвские маникюрши. — Почти как у меня в сорок пятом под Прагой. Но дурак. Против аппарата попёр. ЦК Амона-Ра плетью не перешибёшь.

Он хотел было глотнуть нарзану из стоящего на столике стакана, но рука дрогнула, и вода плеснула на китель. Тёмное пятно расплзлось по орденам, будто живое, обтекая каждую звезду, как наводнение обтекает островки планового хозяйства. Брежнев выругался сквозь зубы, вытерся носовым платком, от которого пахло лекарствами и пожилым возрастом. Платок был мятый, с вышитой буквой «Л» в уголке — подарок от дочки Гали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.